
Психологический профиль террориста

Казберов П.Н., кандидат психологических наук, старший инспектор по особым поручениям ФСИН России, Москва, Россия (mr.kazberov@mail.ru)

Бовин Б.Г., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия (bovinbg@yandex.ru)

Фасоля А.А., доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия (fasolix@mail.ru)

Статья посвящена оценке психологических качеств личности лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. С использованием опросника СМЛ обследовано 915 осужденных, находящихся в местах лишения свободы в различных регионах России. Представлены результаты анализа профилей трех категорий лиц: экстремисты, террористы и осужденные, совершившие преступления и экстремистской, и террористической направленности. Во всех трех подгруппах выявлен конверсионный профиль личности, свидетельствующий об истерических особенностях личности преступников и противоречивых качествах, сочетающих высокую активность с психастеническими чертами, обуславливающих легкость совершения тех или иных поступков, часто недостаточно продуманных и поспешных, но вызывающих чувство вины, которое вытесняется психологическим механизмом отрицания. Выраженная конверсия, по предположению, является следствием неотреагированной психической травмы. Определенным подтверждением этого является результаты анкетного опроса, в котором основными мотивами совершенного преступления называются обида и месть.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, осужденные, личность, опросник, конверсия, психическая травма.

Для цитаты:

Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 3. С. 141-157. doi: 10.17759/psylaw.2019090311

For citation:

Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Terrorist's psychological profile. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 3. pp.141-157. doi: 10.17759/psylaw.2019090311

Проблеме понимания психологических механизмов вовлечения в террористическую деятельность и в экстремизм посвящено значительное число работ. С одной стороны, высказываются предположения о том, что у значительной части экстремистов и террористов выражены различные акцентуации и психические расстройства [1]. Личность террориста в литературе рассматривается через призму его психического благополучия, уточняется характер расстройства, связывается с диагнозом психопатия [11] или, по DSM-III-r, с антисоциальным расстройством личности.

С.Н.Ениколопов выдвинул предположение о том, что всем террористам свойственна высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое «Я», стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм [6].

Существует предположение о том, что экстремистам и террористам свойственна готовность к насилию вообще, основанная на врожденной склонности к агрессивности и разрушительности [4]. В определенной степени эти предположения верны, однако чаще всего они основываются на общих рассуждениях, на использовании клинической беседы или тестовых измерениях на небольшой выборке преступников-террористов. Другими словами, выдвигаемые гипотезы не проверяются на обширном эмпирическом материале.

С другой стороны, в литературе, особенно в работах зарубежных авторов, существует своего рода консенсус, относительно того, что тезис, распространенный в 60-е гг. XX века, когда апеллировали к патологической личности для объяснения того, почему люди совершают акты насилия, не оправдал себя [20]. В современных исследованиях предлагается говорить о том, что на путь радикализации и экстремизма становятся представители «нормальной» популяции в терминах социально-эмоционального функционирования [12, 17-21]. В рамках этой линии исследований, говорится о социально-психологических конструктах, связанных с радикализацией, будь то – социальная идентичность, социальное исключение [3, 20, 21]. В отечественной литературе К.Г. Горбунов называет недостаточно сформированную социально-психологическую идентичность в качестве важного фактора экстремизма [5]. В рамках этой линии анализа радикализации рассматривается постадийный процесс трансформации человека, который приводит к совершению актов крайнего насилия (террористических действиях). Предлагаются различные объяснительные схемы [22]. При всей любопытности данной линии анализа, мы усматриваем в ней две серьезные проблемы. Во-первых, личностный фактор игнорируется в данных моделях. Во-вторых, это скорее объяснительные модели, которые не представляется возможным проверить в проспективном исследовании (по понятным причинам экспериментальное исследование не может иметь места), а значит, схемы радикализации остаются всего лишь хорошо аргументированными теоретическими моделями, проверить которые можно лишь ретроспективно.

С нашей точки зрения, требуется предпринять многоаспектный психологический анализ лиц, вовлеченных в террористическую деятельность и экстремизм, который позволил бы ответить на вопрос о психологическом портрете или профиле этого типа преступников [7].

Так, нами уже был предпринят анализ уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и социально-демографических характеристик преступников, осужденных за

экстремистскую и террористическую деятельность, который позволил выявлять особенности этой категории преступников [8].

Следующим этапом исследования было проведение эмпирического исследования, представляющего собой использование различных психологических инструментов, которыми обследовались та же выборка осужденных, отбывающих наказание в различных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

Цель исследования заключалась в выявлении и интерпретации психологического профиля лиц, осужденных за терроризм и экстремизм.

С этой целью использовался Миннесотский многофакторный опросник личности (ММРІ), разработанный С. Хатэуэйем и Дж. Маккинли, и адаптированный Л.Н. Собчик под названием – «Стандартизированный метод исследования личности» (СМИЛ).

Первоначально ММРІ использовался американскими психиатрами для выявления латентной психопатологии, но оказалось, что возможно не только дифференцировать психические расстройства пациентов, но и определять особенности темперамента, характер и личностные качества здоровых людей.

Опросник повсеместно применяется в силовых структурах России (МВД, ФСИН, ФСБ, Министерства обороны и др.), как для выявления психических нарушений у кандидатов на службу, так и для выявления их предрасположенности к различным видам профессиональной деятельности [16]. В уголовно-исполнительной системе опросник в обязательном порядке заполняют осужденные, прибывшие в места лишения свободы.

Поскольку использовался первоначальный вариант опросника СМИЛ, по содержанию идентичный ММРІ, то были использованы оригинальные названия основных и дополнительных шкал опросника ММРІ.

Обследовались три подгруппы осужденных: экстремисты, террористы и лица, совершившие, в рамках одного уголовного дела, преступления обоих видов, для краткости названной смешанной подгруппой.

СМИЛ является интегральной методикой в исследовании личности и может служить для оценки типа акцентуаций и признаков нарушения психического здоровья. Критерием оценки служит высота профиля, представленного в виде графического изображения уровня 10 основных шкал СМИЛ и 3 шкал валидности, позволяющих оценивать достоверность результатов тестирования.

Часть результатов психодиагностики (23,5 % от 915 обследованных осужденных) были отсеяны по критериям недостоверности, предложенными авторами опросника. Остальные психологические профили осужденных этих подгрупп в количестве 700 человек определены как достоверные.

С точки зрения исследователей, применяющих вариант опросника ММРІ, лишь у 0,6 % обследованных лиц, у которых в профиле опросника имелась хотя бы одна клиническая шкала, превышающая 70 Т-баллов, отсутствовали клинические проявления психических расстройств и акцентуаций личности. В тоже время у 1,5 % лиц, имеющих профиль в рамках нормы, обнаруживались клинические проявления психических расстройств [9].

Анализ профилей лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, обнаружил 68 профилей (9,7 % от общего количества), имеющих хотя бы одну клиническую шкалу больше 70 Т-баллов. Профили остальных 632 осужденных (90,3 %) определились как условно нормальные, т.е. их профили не имели превышений уровня свыше 70 Т-баллов.

Можно с большой вероятностью предположить, что среди этой категории преступников лишь незначительное число лиц имеют психические расстройства. В.А. Соснин также указывает, что сравнительные исследования личности террористов не обнаруживают серьезной личностной психопатологии [10].

Заслуживает внимания то, что в выборке лиц, впервые осужденных за убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, но не связанных с преступлениями экстремистско-террористической направленности, количество профилей, имеющих одну или более клинических шкал более 70 Т-баллов, значительно превышает аналогичный показатель лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности: 17,0% и 9,7% соответственно [2].

Проведенный анализ уровней 696 профилей СМЛ выявил следующие результаты: среди лиц, осужденных за преступления террористической направленности, выявлен 31 профиль (8 % от общего количества в 383 чел.), имеющих одну или более клинических шкал более 70 Т-баллов.

У лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, выявлено 9 профилей, превышающих 70 Т-баллов (6,7 % от 134 чел.)

В подгруппе, совершивших экстремистско-террористические преступления, выявлено 24 профиля (13,4 % от 179 чел.), превышающих 70-баллов. По этому показателю смещенный экстремистско-террористический тип наиболее близок преступникам – убийцам.

Рассмотрим общий (усредненный) профиль СМЛ осужденных за преступления экстремистско-террористической направленности, представленный на рис. 1.

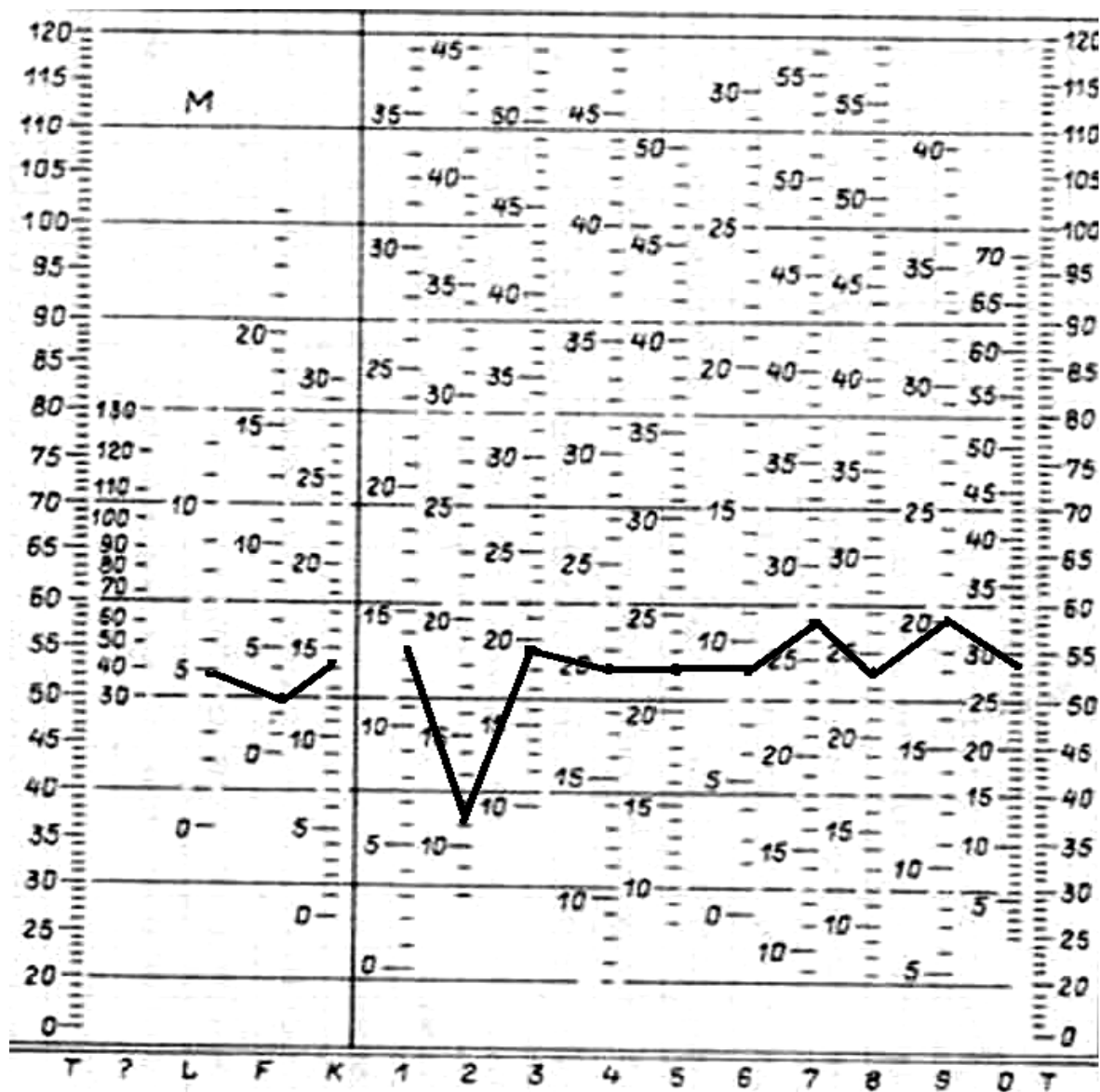

Рис. 1. Усредненный профиль СМЛ лиц, осужденных за преступления экстремистско-террористической направленности (696 чел.)

Данный усредненный профиль выглядит, не как уплощенный профиль, характерный при усреднении большого количества разнонаправленных профилей СМЛ, а представляет собой, широко разбросанный по уровню шкал, противоречивый профиль, в котором ярко выражен конверсионный тип профиля (высокие шкалы ипохондрии Hs и истерии Hy и очень низкая шкала депрессии (D)). При конверсиях (превращениях) соматические симптомы бессознательно и в искаженной форме выражают вытесненные инстинктивные побуждения. Конверсионные симптомы в психоанализе рассматриваются по аналогии с аффективными приступами, т.е. это соматическое выражение аффектов [13]. Психологический стресс бессознательно конвертируется в соматические симптомы, о происхождении которых человек может и не подозревать. Подобная конверсия чаще встречается у женщин, но конверсионные расстройства нередко встречаются и у мужчин.

Мужчины, имеющие такой паттерн, часто характеризуются истерическими чертами личности, проявляющимися в неустойчивости эмоций, игнорировании реальности, замещающая

ее искажениями и фантазиями. Для них характерно конфликтное сочетание разнонаправленных тенденций личности: высокий уровень притязаний – с причастностью к групповым интересам; эгоистичность – с альтруистическими декларациями; межличностная агрессивность – со стремлением произвести впечатление и понравиться окружающим.

Конверсионный тип профиля отражает дефицитарность (отсутствие) депрессии и страха у этих лиц (низкая шкала D); эмоциональная яркость шкалы истерии (Hy) в профиле маскирует свойства шкалы ипохондрии (Hs), связанные с подавлением спонтанности и самоконтроля, а также нивелирует возможные психосоматические проблемы, выявляемые шкалой Hs.

Лица, имеющие такой профиль, используют наиболее примитивный бессознательный механизм защиты и отрицают существование собственных психологических проблем. Мощный механизм вытеснения позволяет им отворачиваться от реальности, формируя разного рода фантазии, относительно собственной личности, скрывая при этом симптомы собственной эмоциональной неустойчивости.

Недостаток самокритики и искаженное представление о самом себе часто характеризует эгоистичную, зависимую, высоконапряженную и разочаровавшуюся в себе личность. Эти лица демонстрируют вызывающее, неустойчивое, дерзкое, отличающееся снобизмом, агрессивностью, упорством и самоуверенностью поведение, которое является лишь компенсацией неустойчивости и эмоциональной лабильности подобных личностей.

Одновременно с конверсионным типом профиля примерно такого же уровня, как шкалы истерии и ипохондрии, являются шкалы Pt (психастения) и Ma (гипомания). Можно сказать, что в личности этих преступников выражены как невротические, так и психотические черты личности.

Шкала Pt выявляет такие качества как нерешительность, неуверенность, зависимость, навязчивость, склонность к формированию различных фобий; шкала Ma отражает противоположные качества, по сравнению со шкалой Pt, такие как лидерство, вербальность, энтузиазм, вероломность, интерес к национальным и политическим проблемам, высокую мотивацию достижений, ориентированную больше на моторную и речевую активность, нежели на конкретные цели.

Сочетание высокой активности с психастеническими качествами обуславливает легкость совершения тех или иных поступков, часто недостаточно продуманных и поспешных, после которых происходит навязчивый анализ своих действий и возникают сомнения в правильности уже совершенного поступка.

При этом они могут испытывать гнетущее чувство вины за то, что сделали, однако это не изменяет их поведения в будущем, поскольку способность к отрицанию и вытеснению, отражаемую конверсионным паттерном профиля, позволяет им скрывать вину и ответственность от себя и от других. Опыт, как правило, их ничему не учит и вся их активность часто непостоянна, неустойчива и противоречива из-за внутреннего конфликта между вытесненной тревогой, проявившейся все же в профиле шкалой Pt, и чрезмерной активностью.

При кратковременных контактах они могут производить впечатление социально уверенных людей, хорошо контактирующих с собеседником и легко вербализирующих свои мысли и проблемы, но чаще всего это маскировка фальшивой личности.

Рассмотрим усредненные профили трех подгрупп осужденных: террористов, экстремистов и смешанную подгруппу преступников.

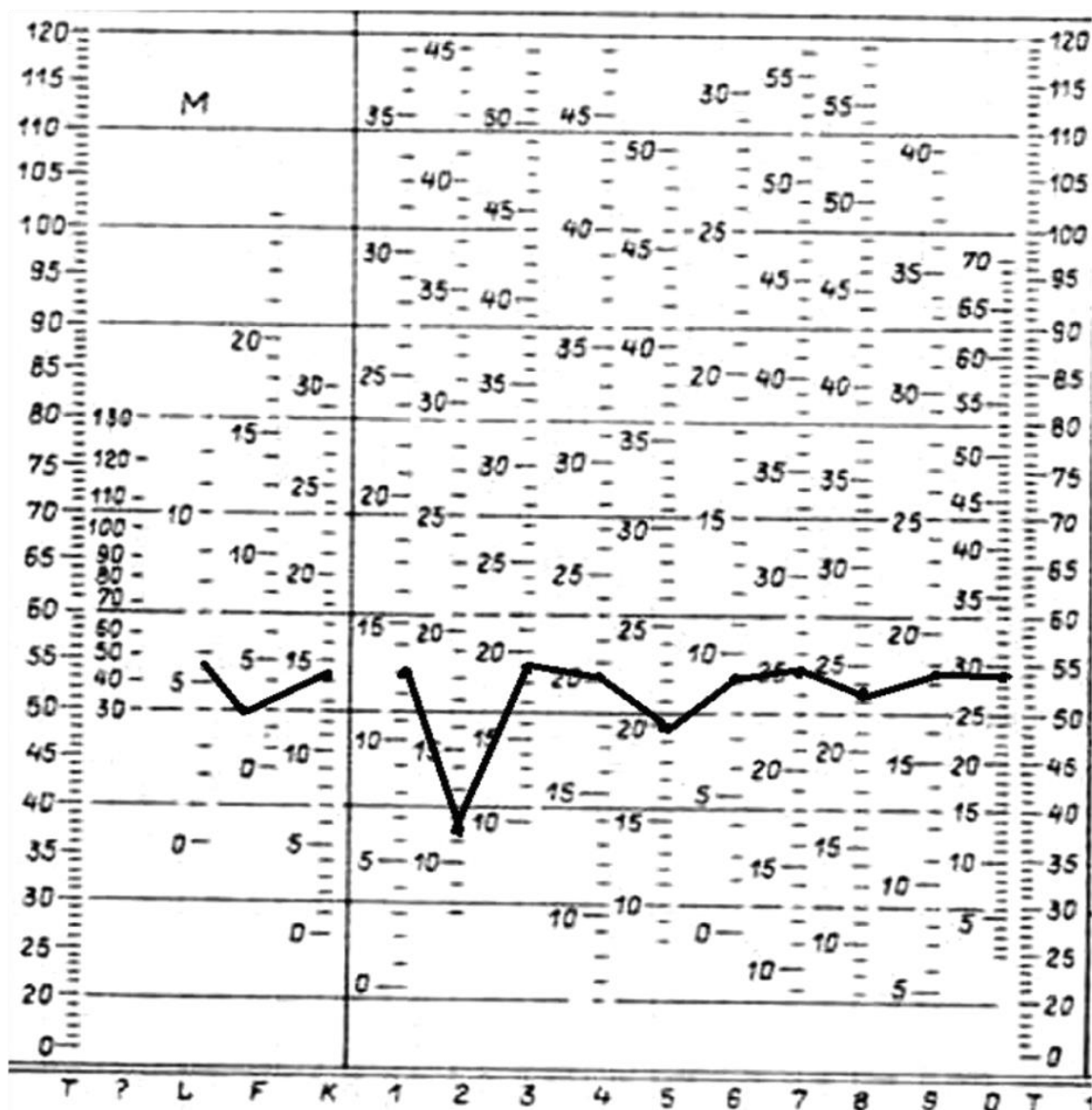

Рис. 2. Усредненный профиль преступников, осужденных за терроризм (383 человек)

На рис. 2 представлен усредненный психологический профиль лиц, осужденных за террористическую деятельность.

У террористов более выражены, по сравнению с общим профилем, мужские черты: доминантность, соперничество, жесткость характера, отсутствие сентиментальности, стенический тип реагирования (понижение шкалы Мf). Кроме того, сглажена противоречивость психастенических и маниакальных качеств личности террористов (снижение уровня шкал Pt и Ma) В то же время сохраняется конверсионная структура

невротической триады профиля (Hs, D, Hy), характерная для общего типа профиля личности преступников этой категории.

На рис. 3 представлен психологический профиль лиц, совершивших преступления экстремистской направленности.

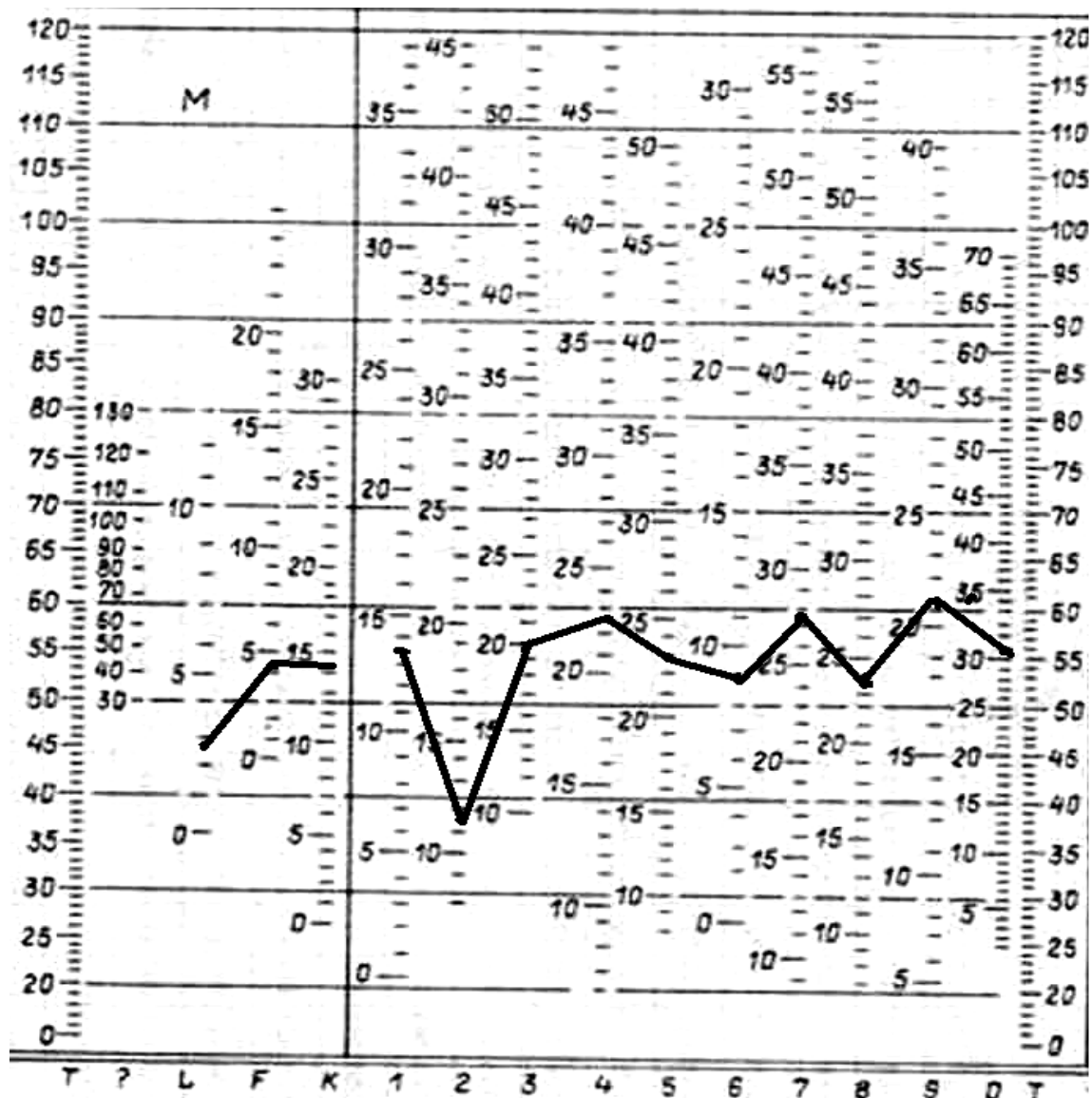

Рис.3. Психологический профиль лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности (134 осужденных)

Профиль экстремистов, кроме конверсионных характеристик и выраженной противоречивости психастеничных и гипоманиакальных характеристик (самая высокая шкала профиля, Ma), дополняется возвышением шкалы Pd (шкала социальной психопатии). Эти преступники проявляют выраженное презрение к общественным нормам, обычаям и традициям и, как правило, неспособны учитывать опыт, даже приобретенный в результате наказания. Их характеризует низкий самоконтроль, «мятежность духа» и устойчивая тенденция «попасть в переделку». Эмоциональное напряжение находит непосредственный выход в поведении, минуя систему установок, отношений и социальных ролей.

Протест против общепринятых норм поведения может приобретать генерализованный характер. Неспособность организовать свое поведение в соответствии с общественным мнением, интересами и целями делает поступки таких людей плохо предсказуемыми. Непосредственная реализация возникающих побуждений и неразвитость рефлексии приводит к отсутствию тревоги и страха перед потенциальным наказанием

На рис. 4 представлен профиль лиц, совершивших одновременно преступления и экстремистской и террористической направленности.

В этой подгруппе наиболее ярко проявились типичные качества личности, осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. Конверсия невротической триады свидетельствует об истерической структуре личности, усиливающейся дисгармоничностью профиля за счет психастенического радикала (высокая шкала Pt), и чрезмерной активности (высокая шкала Ma).

Паттерн отражает одновременную выраженность полярных личностных структур, при которых – торможение социальной активности и склонность к социофобии (Pt) парадоксальным образом сочетается с демонстративностью и эгоцентричностью (высокая шкала Nu). Причем дисгармоничность личности усиливается завышенной самооценкой, легкостью принятия решений, отсутствием разборчивости в социальных контактах, бесцеремонностью поведения, снисходительным отношением к своим промахам и недостаткам (высокая шкала Ma).

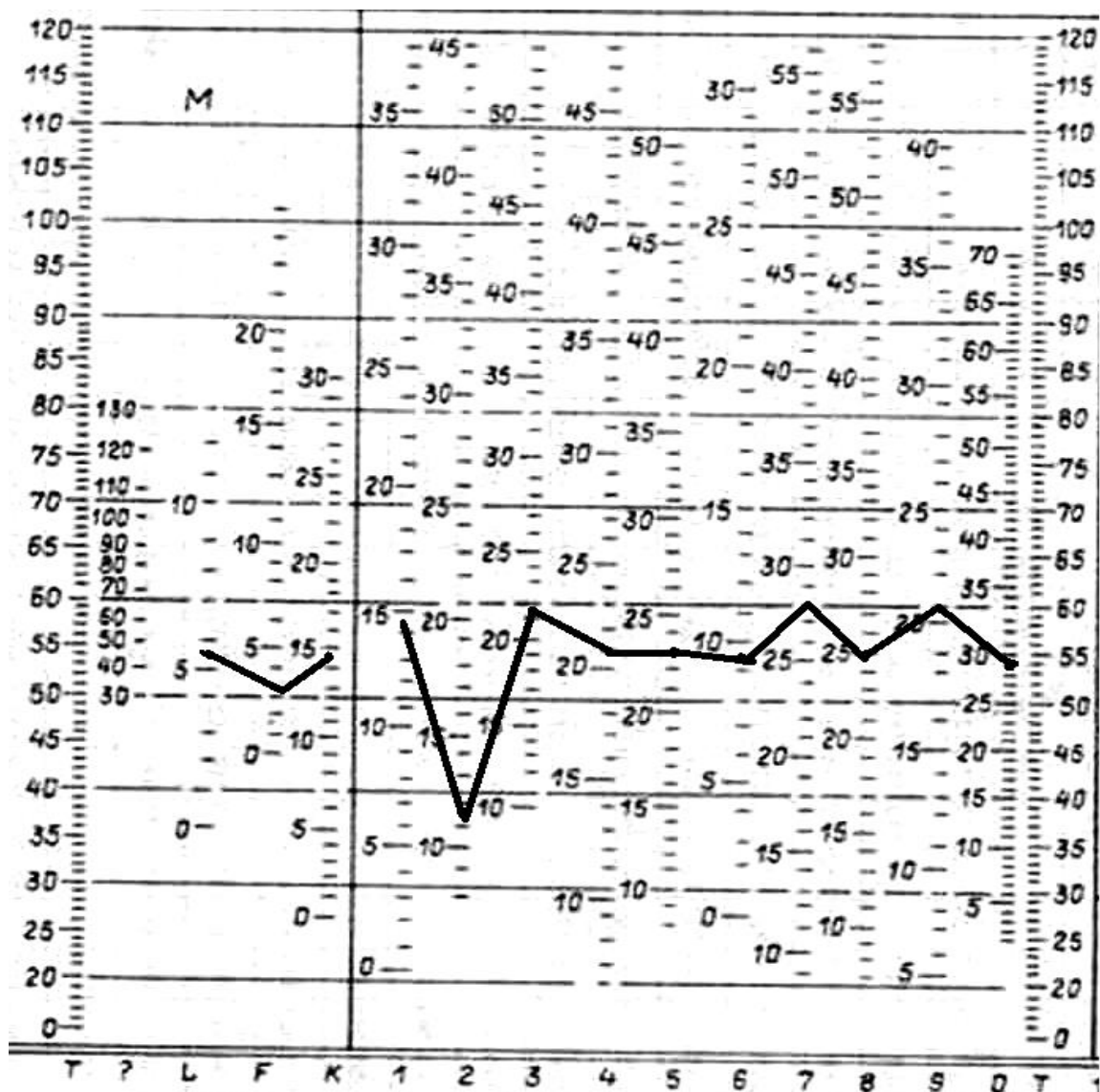

Рис. 4. Психологический профиль смешанной подгруппы лиц, осужденных одновременно за преступления экстремистской и террористической направленности

Несмотря на различия в уровне некоторых клинических шкалах СМИЛ трех подгрупп осужденных, общим для всех является все тот же конверсионный профиль, свидетельствующий о выраженности истерических черт личности осужденных и противоречивое доминирование психастенических и гипоманиакальных качеств личности, т.е. тип профиля сохраняется во всех трех подгруппах. Наблюдается лишь некоторая вариативность в паттернах профилей.

Результаты анкетного опроса [8] свидетельствуют о том, что большая часть осужденных за преступления экстремистско-террористической направленности к уголовному миру имели слабое отношение, либо вообще не имели никакого отношения. Их вхождение в мир криминального сообщества в основном не являлся последовательным и закономерным. Отсюда возникает вопрос, что явилось причиной совершения преступления или каков мотив преступлений.

Зарубежные исследователи указывают, что декларируемые мотивы террористов и экстремистов связаны с тремя категориями: *культурологический* – необходимость дать обществу встряску, проливая кровь, чтобы оно не загнивало; *рациональный* – политическая борьба с режимами; *идеологический* – изменение социальных отношений в обществе [10].

Но эти декларации являются лишь маскировкой глубинных источников экстремистской и террористической деятельности, нуждающихся в наличии внешнего врага, которого можно было бы признать виновником своих личностных и социальных проблем

Важным источником информации о мотивах совершенного преступления являются результаты анкетного опроса осужденных, который дал следующие результаты [8]:

- мстительность – 81,5% (570 чел.);
- обида – 51,5% (360 чел.);
- стремление к острым ощущениям – 22% (154 чел.);
- желание испытать себя – 14% (98 чел.);
- безденежье – 13,5% (95 чел.);
- иное – 14% (98 чел.);

По анкетному опросу наибольшую выраженность приобретают мотивы мести и обиды. Мстительность включала в себя кровную месть лишь в незначительном числе случаев (по судебным приговорам – 2%).

На основании конверсионного типа профиля и результатов анкетного опроса, можно предположить, что значительная часть этой категории осужденных пережили, на каком-то этапе своей жизни, так называемую, «психическую травму».

Понятие «психическая травма» получило наиболее полное развитие в психодинамическом направлении, берущем свое начало в классическом психоанализе З. Фрейда [14, 22]. Паттерн конверсионного профиля, доминирующий во всех трех подгруппах осужденных за экстремизм-терроризм, но который не характерен для лиц, осужденных за общеуголовные преступления, позволяет нам рассматривать психическую травму как один из глубинных факторов экстремистского и террористического поведения.

Переживание давних драматических событий оказывают столь ощутимое воздействие, что со временем они не идут на убыль, по сравнению с обычными переживаниями. В случае, если индивид адекватно отреагировал на событие, то аффект в значительной степени убывает. Если же реакция подавляется, то связь аффекта с воспоминанием сохраняется надолго. Обида, оскорбление, которые пришлось снести молча, очень больно уязвляют личность. Реакция пострадавшего на психическую травму имеет катарксическое воздействие лишь в том случае, если она является адекватной и своевременной. Разрядка аффекта имеет широкий диапазон и простирается от плача, застрявшей обиды до мести и совершения преступления.

Если человек не реагирует на происшествие поступком (словом, слезами, действием и т.п.), то происходит вытеснение травмирующего события с формированием истерических симптомов и соответствующего поведения.

В нашем случае травмирующее событие отразилось в паттерне профиля СМЛ в виде конверсии, и противоречивого сочетания вытесненной тревоги (шкала Pt) и чрезмерной активности незрелой личности (Ma)

В психоанализе существует две модели психической травмы [10]. В одной – травму определяют как непереносимость аффекта, вызванного внешним воздействием, т.е. как неблагоприятно пережитое экстремальное состояние. При прорыве в психическом барьере вместо защитной переработки экстремальной реальности происходит уход от неё, при котором вступает «вторая линия защит», направленная на то, чтобы травма вообще не была пережита. Эти примитивные защиты поддерживают функционирование психики, но уже на другом – клиническом уровне.

Происходит «озлокачествление» защит, ведущее к самым различным психическим нарушениям – регрессии, аутичности, диссоциации психических процессов [10]. Данный взгляд был подтвержден наблюдениями по поводу военных неврозов [17].

Если учесть, что значительное число осужденных за терроризм родились и жили в период перестройки и разрушения государства (1985-2000 годы), когда возникли межнациональные конфликты и военные столкновения, что способствовало возникновению кризисных состояний и формированию психической травмы, то этим возможно объяснить содержание первой модели.

Во второй модели – психическая травма рассматривается как кризисное состояние, вызванное вторжением в сознание непереносимых и несовместимых с Я воздействий, не связанных с экстремальными ситуациями.

Кризис является проявлением внутренней несогласованности психики, т.е. состоянием напряженного внутреннего конфликта, вызванного необходимостью нарушать собственные моральные и нравственные установки личности.

В случае неблагоприятно пережитого кризисного состояния возникает нарушение адаптации, внутренняя несогласованность, острые агрессивные реакции, психосоматические нарушения, регрессия к примитивным формам поведения, вплоть до совершения преступлений.

Часто критические ситуации являются одновременно и экстремальными и кризисными, т.е. соответствуют обеим моделям психической травмы. Это и внешняя ситуация, связанная с угрозой жизни, сопровождаемая интенсивными аффективными переживаниями и внутренний психодинамический конфликт, угрожающей структуре «Я», который З. Фрейд определил как конфликт между «прежним мирным Я» и «новым воинственным Я» [10].

Психологи, изучавшие террористов в ФРГ из леворадикальных групп «красных бригад», отмечали, что 25% участников этих групп потеряли одного или обоих родителей до 14-летнего возраста [5]. Возможно, что психическая травма могла возникнуть в результате родительской депривации и последовавшей несформированности социально-

психологической идентичности, проявившейся в чувстве одиночества, неполноценности, незащищенности, побуждающих индивидов искать психологическое убежище в сплоченных экстремистских группах, ставящих себе грандиозные цели изменения несовершенного мира [5, 10]. Как показали наши исследования лица, осужденные за экстремизм-терроризм, в большинстве своем, совершали тяжкие и особо тяжкие преступления, как правило, в составе группы.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. 448с.
2. *Антонян Ю.М., Бовин Б.Г.* Личность убийцы: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. с. 144–145.
3. *Бовина И.Б., Бовин Б.Г.* Преступление и его участники в социальных представлениях студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование 2013. № 3. С. 222–233. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20316804_18636300.pdf. (дата обращения: 10.08.2018)
4. *Витюк В.В.* Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 4. Терроризм. М., 2003. С. 50–55.
5. *Горбунов К.Г.* Терроризм: история и современность. Социально-психологическое исследование. М. 2012.
6. *Ениколопов С.Н.* Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. С. 28–32.
7. *Казберов П.Н.* О необходимости противодействия экстремистско-террористическим проявлениям в обществе и в пенитенциарной системе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61045.shtml> (дата обращения: 19.08.2018).
8. *Казберов П.Н., Бовин Б.Г.* Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. Журнал Психология и право. № 1. 2019.
9. Методика многостороннего исследования личности (в клинической медицине и психогигиене) Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Изд. Медицина, 1976. с. 157–172.
10. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: индивидуальные жизненные циклы; агрессия и экстремизм: учебник / под общ. ред. Н.С. Хрустальной. СПб.: Изд.-во СПбГУ, 2016. С 370-371
11. *Роцин С.К., Ениколопов С.Н.* Психология терроризма: круглый стол // Психологический журнал. 2009. С. 43–45.
12. *Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б.* Радикализация в

подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32–40. doi:10.17759/chp.2017130305.

13. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов / Пер. с англ. – 2-е изд.- М. Академический Проект, 2005. С. 284–286.
14. Фрейд З. Исследование истерии. Восточно-Европейский институт психоанализа, Санкт Петербург, - 2005. – с. 17-32.
15. Фрейд З. О нарциссизме. М.: Здоровье, 2008. 224 с.
16. Экстремальная психология в особых условиях деятельности: монография под науч. ред. Б.Г. Бовина, А.В. Кокурина, А.М. Ракова. М., 2015. 514 с.
17. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е переработанное и доп. / пер. с англ. СПб. 1996.
18. Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories // Journal of Strategic Security. 2011. № 4. P. 7–36.
19. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 586–604.
20. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 495–517.
21. Hogg M., Adelman J. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 436–454.
22. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. № 4. P. 602–622.

Terrorist's Psychological Profile

Kazberov P.N., *Candidate of psychological sciences, Senior Inspector for Special Assignments of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation, Moscow, Russia (mr.kazberov@mail.ru)*

Bovin B.G., *Candidate of psychological sciences, docent, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation, Moscow, Russia (bovinbg@yandex.ru)*

Fasolya A.A., *Doctor of Education, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation, Moscow, Russia (fasolix@mail.ru)*

The article is devoted to assessing the psychological characteristics of individuals convicted of extremist and terrorist crimes.

MMPI test was used to examine 915 prisoners in various regions of Russia. The results of the analysis of the profiles of three categories of individuals are presented: extremists, terrorists and convicted for both extremist and terrorist crimes. In all three subgroups, a personality conversion profile was identified, testifying to the hysterical personality traits of the criminals and conflicting qualities, combining high activity with psychasthenic traits, making it easy to perform certain actions, often not well thought out and hasty, but evoking a guilty feeling that is supplanted by the psychological mechanism of denial. The expressed conversion is supposedly a consequence of unreacted psychotrauma. The results of a questionnaire survey, in which the main motives for the crime are named offense and revenge serve as a definite confirmation of this.

Keywords: terrorism, extremism, convicts, personality, questionnaire, conversion, psychotrauma.

References

1. Antonyan Yu.M. Kriminologiya [Criminology]. Izbranny`e lektsii. M.: Logos [Logos], 2004. – 448 p.
2. Antonyan Yu.M., Bovin B.G. Lichnost` ubijcy [The identity of the killer]: monografiya. M.: Yurlitinform [Yurlitinform], 2017. – p.p. 144–145.
3. Bovina I.B., Bovin B.G. Prestuplenie i ego uchastniki v social`ny`x predstavleniyax studencheskoj molodezhi [Crime and its participants in the social representations of students] [E`lektronny`j resurs] // Psixologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education] 2013. № 3. p.p. 222–233. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20316804_18636300.pdf. (data obrashheniya: 10.08.2018)
4. Vityuk V.V. Nekotory`e problemy` terrorizma v aspekte sovremenny`x konfliktny`x situacij (soobrazheniya terrologov) [Some problems of terrorism in the aspect of modern conflict situations (considerations of terologs)] // Social`ny`e konflikty`:

- е`kспертiza, prognozirovanie, texnologiya razresheniya. Vy`p. 4. Terrorizm. M., 2003. p.p. 50–55.
5. Gorbunov K.G. Terrorizm: istoriya i sovremennost` [terrorism: history and modernity]. Social`no-psixologicheskoe issledovanie [Terrorism: history and modernity]. M. 2012.
 6. Enikolopov S.N. Terrorizm i agressivnoe povedenie [Terrorism and aggressive behavior] // Nacional`ny`j psixologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]. 2006. p.p. 28–32.
 7. Kazberov P.N. O neobxodimosti protivodejstviya e`kstremistsko-terroristicheskim proyavleniyam v obshhestve i v penitenciarnoj sisteme [On the need to counter extremist-terrorist manifestations in society and in the penitentiary system] [E`lektronny`j resurs] // Psixologiya i pravo [Psychology and Law]. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61045.shtml> (data obrashheniya: 19.08.2018).
 8. Kazberov P.N., Bovin B.G. Obshhaya xarakteristika licz, osuzhdenny`x za prestupleniya e`kstremistskoj i terroristicheskoj napravlenosti. [General characteristics of persons convicted of crimes of an extremist and terrorist nature.] Zhurnal Psixologiya i pravo [Psychology and Law]. № 1. 2019.
 9. Metodika mnogostoronnego issledovaniya lichnosti (v klinicheskoj medicine i psixogigiene) [Methods of multilateral personality research (in clinical medicine and mental health)] Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Rozhanecz R.V. Izd. Medicina [Ed. Medicine], 1976 p.p. 157–172.
 10. Psixologiya krizisny`x i e`kstremal`ny`x situacij: individual`ny`e zhiznenny`e cikly`; agressiya i e`kstremizm [Psychology of crisis and extreme situations: individual life cycles; aggression and extremism]: uchebnik / pod obshh. red. N.S. Xrustalevoj. ЁSPb.: Izd.-vo SPbGU [SPbGU], 2016. p.p. 370–371
 11. Roshhin S.K., Enikopolov S.N. Psixologiya terrorizma: krugly`j stol [Psychology of terrorism: round table] // Psixologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 2009. p.p. 43–45.
 12. Tixonova A.D., Dvoryanchikov N.V., E`rnst-Vintila A., Bovina I.B. Radikalizaciya v podrostkovo-molodezhnoj srede: v poiskax ob`yasnitel`noj sxemy` [Radicalization in the adolescent-youth environment: in search of an explanatory scheme] // Kul`turno-istoricheskaya psixologiya [Cultural-historical psychology]. 2017. Tom 13. № 3. p.p. 32–40. doi:10.17759/chp.2017130305.
 13. Fenixel` O. Psixoanaliticheskaya teoriya nevrozov [Psychoanalytic theory of neurosis] / Per. s angl. – 2-e izd.- M. Akademicheskij Proekt [Academic Project], 2005. p.p. 284–286.
 14. Frejd Z. Issledovanie isterii [The study of hysteria]. Vostochno-Evropejskij institut psixoanaliza, Sankt Peterburg [East European Institute of Psychoanalysis, St. Petersburg], 2005. p.p. 17–32.
 15. Frejd Z. O narcisizme [About narcissism]. M.: Zdorov`e [Health], 2008. 224 p.

16. E`kstremal`naya psixologiya v osoby`x usloviyax deyatel`nosti [Extreme psychology in special conditions of activity: a monograph for scientific]: monografiya pod nauch. red. B.G. Bovina, A.V. Kokurina, A.M. Rakova. M., 2015 514 p.
17. E`rikson E`. Detstvo i obshhestvo [Childhood and Society]. 2-e pererabotannoe i dop. / per. s angl. SPb. [trans. from English] SPb 1996.
18. Borum R. Radicalization and Involvement of Extremism: The Journal of Strategic Security. 2011. No. 4. p.p. 7–36.
19. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of the United Kingdom: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. No. 3. p.p. 586– 604.
20. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. No. 3. p.p. 495–517.
21. Hogg M., Adelman J. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. No. 3. p.p. 436–454.
22. King M., Taylor D.M. The Terrorism and Political Violence, The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of the Theoretical Models and Social Psychological Evidence. 2011. No. 4. p.p. 602–622.